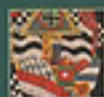

КРЭЙГ КАЛХУН
НАЦИОНАЛИЗМ

ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО

Крэйг Калхун

Национализм

«Территория будущего»

Калхун К.

Национализм / К. Калхун — «Территория будущего»,

Для одних национализм – это проявление глубокой потребности в солидарности и принадлежности, для других – необходимый, но уже пройденный этап истории. Работы Крэйга Калхуна помогают понять, почему, несмотря на постоянно повторяющиеся заявления о «конце» нации и национализма, эта дискурсивная формация продолжает не просто воспроизводиться, но и набирать влияние. Национализм не существует сам по себе; он таков, каким его делают публики, влияющие на определение границ политического сообщества и содержания политических идентичностей. Этим и объясняется необычайная пластичность и многозначность националистического дискурса

© Калхун К.

© Территория будущего

Содержание

Организатор мировой науки	5
Благодарности	11
Введение	12
1	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Крэйг Калхун Национализм

Организатор мировой науки

Начнем с исторического анекдота (а по-русски – просто байки) из жизни модных классиков, которые мастерски и со смыслом рассказывает Крэйг Калхун. На первом курсе элитарной школы Эколь Нормаль никто не водился с провинциалом Пьером Бурдые, чей южный говор, пересыпанный баскско-испанскими словечками, коробил избранную парижскую молодежь. Годы спустя, уже став знаменитым социологом, Бурдые концептуализирует свои юношеские переживания как проблемы воплощенного в самом человеческом теле габитуса и обладания культурным капиталом. Но тогда сын сельского почтальона и внук батраков-издольщиков Пьер Бурдые просто воспринимался среди своих парижских однокурсников набыченным увальнем, спустившимся с гор Беарна. То, что Бурдые при этом увлекался грубо-физической игрой в регби, лишь подчеркивало его отличие от молодежи интеллектуального бомонда и довершало репутацию беарнского забияки.

Только где-то к ноябрю первого курса обучения одинокого Бурдые впервые позвали в гости на обед к родителям такого же непопулярного согруппника Жака Деррида. Там крестьянский сын Бурдые смог впервые расслабиться: отец и старшие братья Деррида оказались бедными евреями из колониального Алжира, вдобавок еще и малярами по профессии. Они одновременно гордились младшим братом, которого фамиллярно звали Жаки (что-то вроде Яшки), и подтрунивали над философской белибердой, которой была забита башка у младшего Деррида.

Бурдые и Деррида патронировал куратор курса Луи Альтюссер, который обладал педагогическим чутьем на талант и, будучи убежденным марксистом, ни в грош не ставил буржуазные предрассудки. Третьим питомцем Альтюссера был Мишель Фуко, но Фуко был старше на два года и держался совсем обособленно то ли из-за личных психологических комплексов, то ли из-за сексуальной ориентации.

Полный разрыв наступил, когда Альтюссер попытался вовлечь эту троицу в ячейку Коммунистической партии Франции. Бурдые отказался наотрез, заявив, что заорганизованные интеллектуальные марксисты были страшно далеки от подлинно трудовой крестьянской среды. (Исходя из этого, рекомендует Калхун, следует читать работы Бурдые по социологии политики, высшему образованию и особенно студенческим протестам 1968 г.) Затем Бурдые уезжает учительствовать в Алжир, где ссорится с местными интеллектуалами как из числа французских поселенцев, так и образованных городских арабов. Бурдые совершенно не выносил покровительственных интеллигентских разговоров о народе. В Алжире он чувствует себя прекрасно только среди коренных горцев Кабилии (поясню: близкого социально-культурного аналога чеченцев).

Крэйг Калхун знает свои байки из первоисточников. Если разговор заходит об унаследованном социальном капитале и габитусе, то Калхун первым с ироническим смехом (а как еще?) готов признать неловкую проблему своего происхождения. Он потомок Джона Калхуна, – в 1810-1830-е годы сенатора от Южной Каролины и дважды вице-президента США, который вошел в историю как виднейший пропагандист рабства и даже получил прозвище «Маркс плантаторов», поскольку утверждал, что «отеческая» система рабства преодолевает отчуждение труда от капитала. В Йельском университете, где именем Джона Калхуна назван один из колледжей, это периодически вызывает студенческие протесты, которые Крэйг Калхун одобряет. «После того, как у нас отобрали плантацию, – признает он, – следующим поколениям

пришлось податься на Дикий Запад, в золотоискатели и скотоводы, либо идти в священники – замаливать грехи предков.»

Отец Калхуна служил викарием Чикагского университета. Крэйг – первый в своем семействе светский интеллектual за более чем столетие. По Бурдые, это разительный пример передачи социального капитала путем конвертации его форм: из экономической – в политическую (у плантатора и сенатора Калхуна), после потери власти и привилегий в результате Войны Севера и Юга – в нематериальную, но престижную форму символического капитала среди последующих поколений протестантских проповедников и, наконец, в высшее светское образование и джентльменский элитный габитус самого президента Совета по исследованиям в общественных науках (на этом посту Крэйг Калхун находится с 1999 г.).

Список его научных работ и должностей (*curriculum vitae*) занимает на сегодня двадцать страниц убористого шрифта и продолжает шириться, благо автор находится в расцвете сил: Крэйг Калхун родился в 1952 г. и, как многие американцы среднего возраста, находится в прекрасной форме. Можно лишь гадать или завидовать, как он все это успевает. Но факт, что подобно своим дисциплинированным пуританским предкам Калхун встает на заре, пишет до завтрака, проводит первую деловую встречу в восемь, утром руководит Советом по исследованиям в общественных науках, после ланча читает лекции в Нью-Йоркском университете, к вечеру начинает аспирантский семинар, а затем, уже где-то после девяти, нередко еще и ведет аспирантов в один из излюбленных баров на Манхэттене, где до полуночи передается научное знание в жанре поучительной байки.

В семидесятые годы Калхун учился у современных классиков общественных наук. Это надо упомянуть не столько ради самих впечатляющих имен, сколько в наглядное подтверждение переплетения и взаимообусловленности родословных научных идей. Крэйг Калхун изучал социологию в Колумбийском университете, когда там заведовал кафедрой Роберт Мертон, а Иммануил Валлерстайн после 1968 г. еще возглавлял оппозицию младших преподавателей и уже начинал писать первый том «Современной миросистемы». Затем Калхун осваивал экономическую антропологию в знаменитой Манчестерской школе и вел полевые исследования среди народности талленси в Гане. Впоследствии он занимался философией у Юргена Хабермаса и Чарльза Тэйлора, стажировался в Париже у Бурдые и Деррида, кстати, как и Фрэнсис Фукуяма, с которым Калхун сидел за соседней партой еще в первом классе знаменитой Школы-лаборатории при Чикагском университете. Однако диссертацию Крэйг Калхун защитил не по социологии, антропологии или философии, а в Оксфорде у Э. П. Томсона, где вопреки марксистскому канону заново проанализировал социальную историю и реальные механизмы радикального рабочего движения в Англии эпохи индустриализации.

Он много времени жил в разных странах мира: Норвегии, Бразилии, Судане. Весной 1989 г. Крэйг Калхун преподавал в Пекине, куда только недавно начали пускать американцев, и оказался близким очевидцем студенческого восстания на площади Тяньаньмынь. Несколько студентов Калхун тогда срочно вывез из Китая на учебу в Америку, пользуясь тем, что уже был директором международной программы и вскоре стал деканом Университета Северной Каролины в Чапел Хилле. Книга «Ни боги, ни императоры», написанная по следам пекинских событий, стала интеллектуальным бестселлером и переведена на восемь языков. К тому времени он уже написал другое эмпирически насыщенное исследование – о войне в Эритрее, которую Крэйг Калхун также видел и испытал непосредственно, как и его эритрейская приемная дочь. Кабинетным ученым его никак не назовешь.

И в то же время Калхунова энергия и повествовательный талант мощно проявляются в серии книг и едва ли не в сотне статей о наиболее интересных для него теоретиках: Ханне Арендт, Юргене Хабермаса, Тэйлоре, Э. П. Томсоне, Роберте Мертоне, Артуре Стинчкоме, Герхарде Ленски (это старший коллега Калхуна по Университету Северной Каролины), но более всего Пьере Бурдые. Эту сторону интересов Крэйга Калхуна надо пояснить особо.

Популяризация (открыто либо исподволь) нередко считается низшей формой интеллектуального производства. На Западе престиж в первую очередь достается маститым теоретикам, за которыми следуют дотошные, вооруженные количественными методами эмпирики. Популяризация же слывет в академической среде делом вторичным, писанием для профанов. Это, настаивает Калхун, кардинальное заблуждение. Хуже того: академическая элитарность может обернуться даже смертельной ошибкой в современных условиях рыночных требований к науке и общемировой тенденции к понижению престижа интеллектуальных занятий¹.

У высококачественной научной популяризации, чем, собственно, и является книга, которая оказалась у вас в руках, есть как минимум две важнейшие функции. Во-первых, университет в современных условиях массового образования превратился в центральную платформу гражданского общества. Демократия не есть абстрактная ценность. (Тут, конечно, Крэйг Калхун внутренне спорит со своим предком-реакционером.) Демократия в новом философско-социологическом понимании есть процесс коммуникативного действия, в котором должны вырабатываться решения по управлению современным обществом. Здесь находятся основные силы и механизмы контроля над другой важнейшей структурой современного общества – бюрократией. Без постоянного обсуждения, т. е. коммуникативного действия, властных решений демократия становится формальностью и сводится к периодической легитимации бюрократической власти на выборах. На этой идее, которую с конца 1960-х годов разрабатывал прежде всего Хабермас, сходятся сегодня все крупные теоретики демократии. Коммуникативное же действие предполагает хорошо информированных и наученных рассуждать граждан. Поэтому социальная наука без передаточного механизма популяризации, а также без регулярной подзарядки эмоциональной энергией извне, от массовой образованной аудитории, не просто не выполняет своей главной общественной функции.

Без умной, корректной и регулярной популяризации своих последних достижений и дебатов социальная наука начинает замыкаться в себе и вырождаться в схоластику. Чтобы понять, как социальные науки могут ходить кругами, даже если всякий раз с новым словесно-методологическим оформлением, достаточно полистать американские журналы из обязательного списка профессионального «мейнстрима» (*American Historical Review*, *American Sociological Review*, *American Political Science Review*), где происходит инфляция количества сносок (особенно у историков), утяжеление математического аппарата (тут политологи и социологи пытаются угнаться за экономистами) либо серьезное помутнение языка, которым часто отмечен анализ культур и текстов.

Из этого вытекает вторая функция популяризации высокого уровня – поддержание внутриакадемической коммуникации. Имеются в виду прежде всего систематизация и распространение знания среди самих профессионалов. Откуда вообще ученые узнают о том, что происходит в областях знания вне фокуса их узкопрофессиональных интересов? Да и возможно ли генерирование новых, прорывных идей – то, что поэтически называется озарениями – вне более широкого и как будто необязательного круга чтения? Для жестко профессионализированного мира американской науки, практически устроенного как иерархические ремесленные гильдии политологов, социологов, историков и т. д. (ведь поиск рабочих мест и карьерный рост прямо обусловлены принадлежностью и признанием внутри своей гильдии), междисциплинарный, как и международный, обмен информацией остается одной из главных проблем. О ней постоянно говорят, устраивают конференции и представительные междисциплинарные сборники, которые, однако, при получении конечного продукта вызывают в памяти крылов-

¹ Подробнее об этом можно почитать в известном австралийском журнале «Одиннадцатый тезис», чей тематический номер за февраль 2006 г. полностью посвящен разбору идей Крэйга Калхуна о роли критической социальной науки в поддержании публичной сферы. На интернете этот номер доступен по адресу: <http://the.sagepub.com/content/V0184/issue1/>

скую басню про лебедя, рака да щуку. Это, впрочем, вовсе не означает, что никому ничего не удастся сделать.

Крэйга Калхуна никак не обвинить в маргинальном радикализме. Декан одного из ведущих университетов едва в 37 лет, президент Совета по исследованиям в социальных науках в 46, специальные выпуски журналов, посвященные его научным работам... Придется признать, что наряду с потоком массового, ремесленного производства американской науки все же встречаются и такие личности, как Калхун. Более того: их усилия не пропадают втуне, а, напротив, порой дают результат, который и составляет тот самый мировой уровень. Возможно, динамическое напряжение между рутинной профессиональной деятельностью и периодическими прорывами на том или ином направлении следует рассматривать как вполне ожидаемую реалию современной массовой науки. Только не следует забывать, что прорывы сами собой не возникают: они организуются и развиваются по логике любой реформы или революции. Научное производство есть по сути политическая борьба между интеллектуальными движениями протеста (инновация всегда есть протест против существующего) и держателями устоев, которые контролируют основные институты и ресурсы научного поля (хотя и не всегда и не целиком: успешные реформаторы вроде Калхуна все-таки возможны в конкурентном мире американской науки). Популяризация в таком случае должна рассматриваться как орудие мобилизации сил и их воодушевления. Собственно, это и делает Калхун в серии своих книжек-обобщений: собирает воедино и доходчиво излагает передовые или недостаточно понятые идеи, с тем чтобы создать, затвердить достигнутый рубеж, собрать силы и наметить следующие цели. Так организуется современная наука.

Скажем, всемирная знаменитость Пьера Бурдьё в немалой степени стала результатом выхода французского социолога на самое крупное и емкое интеллектуальное поле современного мира, которым после 1945 г. стал архипелаг американских университетов. Одним из моторов продвижения идей Бурдьё был Крэйг Калхун, который вместе с социальным историком Мойше Постоном, ныне известнейшим профессором Чикагского университета, еще в 1982 г. создали неформальную группу молодых единомышленников.

Тогда их поддержал состоятельный чикагский адвокат и риэлтор Барни Вайсбург, некогда сам причастный к науке: в качестве военнотружачего в 1941–1945 годах он участвовал в Манхэттенском проекте и даже непосредственно в открытии одного из трансуранных элементов. Годы спустя, разбогатевший Барни Вайсбург занял почетное место в Попечительском совете Чикагского университета и, уже отойдя от бизнеса, обратился к планированию науки. Поскольку в России сегодня слово «спонсор» употребляется без разбора, а английская аббревиатура «пиар» приобрела звучание едва не демоническое, надо также пояснить роль миллионера Вайсбурга.

Славу Пьеру Бурдьё покупать было бы просто бессмысленно. Интеллектуальное поле обладает собственными внутренними механизмами оценки, которые, как показал еще в 1930-х годах Роберт Мертон, не поддаются прямому денежному воздействию. Престиж завоевывается только признанием независимых профессионалов. Однако для этого работы должны быть введены в научный оборот. Молодые Калхун и Постон смогли убедить Барни Вайсбурга в потенциальном воздействии теоретических идей Бурдьё на американскую социологию, в которой господствовала статистическая эмпирика. Спонсорство выразилось в том, что Фонд Вайсбурга откупил Калхуна и Постона на один год от повседневной преподавательской нагрузки, дал деньги на проведение регулярных семинаров с приглашением единомышленников из других университетов, а впоследствии и самого Бурдьё на годичное преподавание аспирантского курса в Чикаго. Взлет мысли, возможно, и остается делом одиночным, но широкие прорывы и создание школ в современной науке все-таки организуются и требуют тылового обеспечения. Это так же справедливо касательно преимущественно вербального обществоведения, как и капиталоемкой атомной физики.

Мы, наконец, подошли к характеристике позиции Крэйга Калхуна в интеллектуальном поле. Он – именно тот, кого в советской академии пышно именовали «видный организатор науки». Но в отличие от отечественного научного генералитета, позиционная власть которого к концу брежневской эпохи стала восприниматься сугубо саркастически, Калхун остается очень активным ученым и действующим преподавателем. Он руководит Советом по исследованиям в общественных науках, более известным по первым буквам английского названия как Эс-Эс-Ар-Си (SSRC – Social Science Research Council), – организацией неправительственной и при этом исключительно влиятельной, и это надо пояснить, поскольку аналогов в отечественном обиходе пока не существует.

SSRC был создан в 1923 г. на деньги частных бизнес-фондов. Первыми меценатами было семейство Рокфеллеров, к которым присоединились фонды Форда, Карнеги и впоследствии семейство миллиардеров МакАртуров. Совет служит передаточным звеном между спонсорами (если хотите, оптовыми поставщиками ресурсов) и отдельными исследователями, которых по аналогии можно назвать розничными получателями. Задача Совета – придумывать новые направления в исследованиях, в чем очень большую роль играют президент и организуемые им концептуальные конференции. Для дальнейшего исполнения существует постоянно меняющийся аппарат. Сегодня это около восьмидесяти человек преимущественно научной молодежи: студенты-стажеры на технических должностях и недавно защитившиеся доктора, которые руководят отдельными направлениями. После нескольких лет работы в SSRC они, как правило, двигаются куда-то дальше в университетской системе. Основная организационная работа заключается в подготовке различных конференций по исследовательским проектам и проведении ежегодных конкурсов на исследовательские гранты для ученых и аспирантские стипендии. Заявки, которые должны так или иначе соответствовать предлагаемой общей тематике, оценивают соответствующие экспертные комиссии на общественных началах: это престижно, поскольку означает признание внутри профессиональной среды. Так формируется научная политика.

Пожалуй, одним из самых известных проектов SSRC было создание теории модернизации в конце 1950-х годов. В России и сопредельных государствах эта теория воспринимается бестелесно, как некая абстрактно самостоятельная идея об устройстве человечества. На самом деле у теории модернизации были конкретные авторы – социологи Эдвард Шилз и Алекс Инкелс, политолог и политик Уолт Ростоу и еще около десятка других ученых, которые объединились в Комитет SSRC по сравнительной политологии. Безусловно, это была политически направленная программа исследований, которая отвечала тогда крайне актуальной для США задаче борьбы с советским влиянием в третьем мире. Калхун не только признал это – он создал группу по научной истории самого SSRC. Главная задача ее – рефлексивно и добросовестно показать механизмы формирования направлений в общественных науках.

В России еще куда менее известно, что теория модернизации (как, кстати, и тоталитаризма) еще в начале 1970-х годов подверглась настолько уничтожающей критике среди поднимавшегося тогда поколения американских ученых, что ее базовые концепции просто перестали упоминать. Как-то неловко сделалось; неожиданное возрождение произошло только в начале 1990-х, после распада советского блока. Согласно Бурдье, символический капитал, ассоциированный с этими некогда официальными теориями, сделался в результате критического восстания негативным.

Заодно пострадала и репутация SSRC. Вместо отвергнутых теорий, отвечавших идеологической ортодоксии пятидесятых, возникли совершенно новые направления, которые, по выражению Рэндалла Коллинза, ознаменовали прорыв в «золотой век исторической макро-социологии». Это прежде всего теории государственной власти и исторической демократизации Чарльза Тилли, которые в первую очередь были направлены против телеологической концепции Хантингтона; исследование Теды Скочпол о причинах революций, которое положило

начало преодолению как классических либеральных, так и марксистско-ленинских формационно-классовых теорий революции; наконец, это миросистемный анализ Иммануила Валлерстайна.

Сегодня Крэйг Калхун, придя к руководству SSRC, нацеливает Совет на более критичные исследования глобализации и возможностей демократии в мире, где избираемые правительства национальных государств все более уступают власти транснациональных корпораций, которые, возможно, эффективные рыночные игроки, но никак не демократические структуры. Национальные чувства всегда были неоднозначным фактором современной политики и культуры, но в условиях мощной рыночной глобализации национальная принадлежность может оказаться и якорем надежды, и камнем на шее.

Вместе с тем именно в исследованиях национализма за последние двадцать лет были совершены интереснейшие теоретически прорывы, которые очень многое могут дать для понимания принципов социальной организации культуры и коллективного поведения. Нет ничего случайного, что после работ о Пьере Бурдье, Ханне Арендт и Юргене Хабермасе, после анализа состояния дел в критической теории или событий в Китае и Эритрее, наряду со своей ныне основной работой в теории космополитичности и демократии Крэйг Калхун взялся суммировать достижения теорий нации, идентичности и национализма. Разобраться всего на ста с чем-то страничках, в чем там дело с этими новыми объяснениями национализма, – настоящий подарок, да еще с личным знаком качества Крэйга Калхуна. Не так ли?

*Георгий Дерлугьян
Профессор Университета Нордвестерн,
Чикаго*

Благодарности

Во время очередной годовщины уничтожения Герники в 1993 году после конференции в Наваррском университете мне довелось побывать в Стране басков. В газетах тогда печатались снимки, навевавшие мрачные воспоминания, и описания новых разрушений и случаев применения террора против гражданских жителей, на этот раз в Сараево. Такие совпадения наталкивают на определенные размышления, и я уверен, что возможность обсудить такое повторение националистического насилия со сведущими спутниками способствовала моему пониманию этого феномена больше, чем мой доклад о национализме и социальных изменениях помог разобраться в нем кому бы то ни было на предшествующей конференции. За годы работы накапливается много таких долгов.

Я начал всерьез размышлять о национализме после пребывания и изучения истории Югославии, Китая и Норвегии. Я многим обязан ученым и не им одним в этих странах. Не так давно я с пользой провел время в Эритрее, преподавая в Асмарском университете; я получил возможность принять участие в ряде впечатляющих совещаний Конституционной комиссии и обсудить ход борьбы за национальную автономию и проект строительства новой нации с ветеранами освободительных фронтов, учеными и самыми разными людьми. Моя жена Памела ДеЛарги познакомила меня с Эритреей и оставалась моим самым важным собеседником.

Мои представления о национализме заметно расширились за время моей работы в Университете Северной Каролины. Участники Программы по социальной теории и кросс-культурным исследованиям прекрасно владели искусством конструктивной критики. Совместное чтение курса о национализме с Ллойдом Крамером оказалось необычайно полезным и приятным. Многие студенты также были важными учителями, особенно Стивен Пфафф. Карен Олбрайт искусно подготовила указатель. Моя работа (и работа коллег) в качестве директора университетского центра международных исследований оказала важное стимулирующее воздействие. То же можно сказать и о приглашениях выступить о национализме в других местах. Эдвард Тириахьян не раз приглашал меня на свой семинар в Дьюкском университете. Обсуждение после моих Россовских лекций в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе и моих Бриджесовских лекций и семинаров в Вашингтонском университете было особенно ценным и позволило выявить недостатки ранних формулировок. При работе над книгой чрезвычайно полезной оказалась критика в ходе семинаров в Стокгольмском университете, Университете Упсалы, Гетенбергском университете, Лундском университете, Университете Осло, шведской Коллегии по углубленному изучению социальных наук, Университете Торонто, Университете Джорджа Мейсона, Нью-Йоркском университете, Калифорнийском университете в Беркли, Северо-западном университете, Университете Ратджерса, Университете Кандидо Мендеса и Центре транскультурных исследований, а также в Наваррском университете.

Введение

Разговоры о национализме не прекращаются на протяжении уже двух столетий. Причем нередко встречаются заявления, что он уже свое отжил. Национализм играл важную роль в революциях и войнах за независимость. Но свидетельством успеха националистических проектов служит то, что существование и политическая самостоятельность наций на долгое время смогли стать чем-то само собой разумеющимся. По крайней мере жители богатых стран Запада склонны не замечать национализм, глубоко укоренившийся в наших представлениях о мире – организации гражданства и паспортов, нашем взгляде на историю, нашем делении литератур и кино, нашем соперничестве на Олимпийских играх. Мы замечаем национализм только тогда, когда он проявляется в виде конфликтов между государствами и теми, кто стремится к изменению границ или системы правления. Этот вид коллективного действия, зачастую сопряженный с насилием, развивался волнообразно; каждый последующий спад волны давал ученым повод считать, что национализм был проблемой из прошлого, от которой вскоре не останется и следа. Но за открытой националистической борьбой лежат более глубокие структуры коллективной идентичности и гордости, которые определяются национализмом как образ речи и мысли и способ восприятия мира – мира, состоящего из наций и отношений между ними.

В 1990-х годах национализм вновь стал главной темой новостей. Распад Советского Союза побудил националистов в его бывших республиках заявить о своей независимости. Пытаясь провести политическую границу, соответствовавшую этническим границам, армяне и азербайджанцы начали войну в Нагорном Карабахе. Чеченские повстанцы выступили против самой России. А правые русские националисты сожалели об утрате бывших владений своей страны.

Но националистическая борьба не ограничивалась бывшим Советским Союзом: в бывшей Югославии сербские, хорватские и боснийские соседи начали убивать друг друга. Раскол Чехословакии на Чешскую Республику и Словакию прошел более мирно. Квебеку не хватило нескольких процентов голосов, чтобы отделиться от Канады. Норвежские избиратели выказали свои националистические настроения, проголосовав против членства в Европейском Союзе. Некоторые утверждали, что ЕС сам приступил к отстаиванию европейскости как некоего нового национализма, точно так же, как он занялся строительством нового квазигосударственного аппарата. Великобритания еще раз заявила об отказе от своих имперских притязаний, передав свою колонию – Гонконг – Китаю во имя соблюдения принципа национального суверенитета (даже если это не имело ничего общего с самоопределением граждан Гонконга). Американские политики состязались друг с другом в том, кто из них больший националист, отстаивая жесткую позицию по вопросам иммиграции или торговли с Азией. Ирак вторгся в Кувейт, заявив о том, что бывшая провинция колониального Ирака должна быть составной частью нации; Организация Объединенных Наций отстаивала национальный суверенитет кувейтского режима, представлявшего меньшинство жителей страны. На том же Ближнем Востоке, когда давнее стремление палестинцев к самостоятельному национальному государству стало наконец приносить осязаемые плоды, еврей-ультранационалист застрелил премьер-министра Израиля. Эритрея стала независимым государством после 30 лет националистической борьбы с Эфиопией, которая сначала была империей, а затем – объектом грубых действий коммунистического режима, направленных на создание единой нации. Новое правительство Эфиопии, в свою очередь, старательно пыталось предупредить потенциальные националистические восстания, предлагая конституционные гарантии права на автономию и даже потенциальное отделение для составляющих государство различных национальностей. На юге Африканский национальный конгресс ввел в ЮАР правление большинства, а в Судане северяне во имя национального единства убивали южных сепаратистов.

Перечень примеров, свидетельствующих о сохранении значимости национализма, можно продолжить. Но такой подход может ввести в заблуждение. Рассмотрение только этой, зачастую насильственной борьбы побуждает нас считать национализм просто проблемой, требующей решения, – проблемой, которая исчезнет, как только прояснится вопрос с границами и будет установлен народный суверенитет. При этом обычно забывают о том, насколько границы и сам народный суверенитет связаны с националистическим дискурсом, при помощи которого мы придаем современному миру концептуальную форму и практическую организацию. Влияние национализма заметно не только во время кризисов и открытых конфликтов. Он стал основой коллективной идентичности в современную эпоху и определил особую форму государства, преобладавшую на протяжении двух последних столетий. На самом деле национализм – это вопрос не только политики, но также культуры и личной идентичности. Дискурс наций выражается в основном на языке страсти и идентификации, а схожий с ним во многих отношениях дискурс государств чаще использует язык разума и интересов. Национализм обладает таким эмоциональным влиянием отчасти потому, что он помогает нам становиться теми, кто мы есть, вдохновляя художников и композиторов и связывая нас с историей (и, следовательно, с вечностью и бессмертием). Вот пример национализма в обзоре лондонской выставки работ, «сохраненных Национальным фондом художественных коллекций» (который сам был основан во время «весны народов» середины XIX века): «Проще говоря, основной вопрос заключается в том, есть ли у нации воля и финансовые средства для того, чтобы сберечь произведения искусства, необходимые для сохранения своего прошлого и обеспечения преемственности своей культуры» (*Melikian 1997: 7*). Еще один пример: во время Фолклендской войны, как называют этот конфликт англичане, я навестил Фрэнка Харриса, работника из моего оксфордского колледжа, умиравшего в больнице от эмфиземы. «Люди умирают, – сказал он, – но Англия будет жить вечно».

Национализм принимает различные формы: одни бывают мягкими и спокойными, другие – пугающими. Иногда социологи пытаются разделить «хороший» национализм (патриотизм) и «плохой» национализм (шовинизм), словно они являются совершенно разными социальными явлениями. Это усложняет понимание каждого из них и ведет к сокрытию общих черт между ними. И позитивные, и негативные проявления национальной идентичности и преданности определяются общим дискурсом национализма. Ни один частный случай невозможно в полной мере понять без рассмотрения того, как более глобальная – на самом деле интернациональная – риторика способствовала созданию и формированию каждого из них. Это касается националистических движений, националистической государственной политики, националистических традиций в литературе и искусстве и обыденных представлений простых людей о своем месте в мире. Национализм среди прочего является тем, что Мишель Фуко (*Фуко 1996а; Foucault 1977*; см. также: *Brennan 1990*) называл «дискурсивной формацией», образом речи, который определяет наше сознание, но в то же время остается достаточно проблематичным, продолжая порождать множество проблем и вопросов и побуждая нас еще больше рассуждать и спорить о способах его осмысления.

Дело не только в использовании участниками определенного термина (ср.: *Greenfeld 1992*). Дело скорее в использовании участниками риторики, образа речи, особого языка, который несет с собой связь с другими событиями и действиями, который делает возможными или невозможными другие образы речи или действия или признается другими ведущим к определенным последствиям. Например, когда сторонники независимости Квебека используют риторику национализма, они неявно обращаются к антиимпериалистическим национализмам, они сдерживают тех, кто мог бы поддержать присоединение к Соединенным Штатам или Франции, и они заявляют о своем законном праве на потенциально независимое государство.

Чтобы говорить о признании в качестве нации, явно необходимы социальная солидарность – определенная степень сплоченности между членами предполагаемой нации и коллек-

тивной идентичности, признание целого его членами и осознание индивидом себя в качестве части этого целого. Но социальная солидарность и коллективная идентичность могут существовать в самых различных группах – от семей до работников корпораций и имперских армий. Они являются минимальными условиями для того, чтобы называть население нацией, и далеко не определяющими. Какие еще черты должны в идеале присутствовать для того, чтобы называть население, обладающее социальной солидарностью и коллективной идентичностью, нацией?

И здесь в действие вступает дискурсивная формация национализма. Этот способ осмысления социальной солидарности, коллективной идентичности и связанных с ними вопросов (например, политической легитимности) играет решающую роль и в производстве националистического самопонимания, и в признании националистических притязаний другими. Именно в этом смысле Бенедикт Андерсон называл нации «воображаемыми сообществами». По его утверждению, «все сообщества крупнее первобытных деревень, объединенных контактом лицом-к-лицу (а, может быть, даже и они), – воображаемые. Сообщества следует различать не по их ложности / подлинности, а по тому стилю, в котором они воображаются» (Андерсон 2001: 31). Конечно, есть и другие способы определения сообществ, например, по размеру, степени административной организации, степени внутреннего равенства и т. д. Но наша главная задача заключается именно в осмыслении особой формы «воображения» коллективной идентичности и социальной солидарности, связанной с национализмом.

Наиболее важными кажутся следующие особенности риторики нации, хотя ни одна из них не является абсолютно необходимой и все они в большей или меньшей степени могут присутствовать в любой нации. Решающее значение имеет система, в которой они преобладают:

1. границы территории, население или то и другое;
2. неделимость – представление о целостности нации;
3. суверенитет или по крайней мере стремление к суверенитету и, таким образом, к формальному равенству с другими нациями, как правило, в виде независимого и предположительно самодостаточного государства;
4. «восходящее» представление о суверенитете, то есть идея о том, что правление является справедливым только тогда, когда оно опирается на волю народа или по крайней мере служит интересам «народа» или «нации»;
5. участие народа в коллективных делах – народная мобилизация на основе принадлежности к нации (в военной или гражданской деятельности);
6. прямое членство, когда каждый индивид считает себя непосредственно частью нации и в этом смысле категориально эквивалентным другим членам;
7. культура, включая некое сочетание языка, общих убеждений и ценностей, освященных обычаями практик;
8. глубина во времени – представление о том, что нация как таковая существует во времени, включая прошлые и будущие поколения, и обладает историей;
9. общее происхождение или расовые черты;
10. особая историческая или даже сакральная связь с определенной территорией.

Отметим еще раз, что это особенности риторики нации, утверждения, которые обычно делаются при описании наций. Не существует никаких эмпирических критериев, позволяющих установить способность наций добиваться суверенитета, поддерживать сплоченность, оберегая себя от внутренних расколов, или очерчивать четкие границы, ссылаясь на единство культуры или ее особую древность. Скорее нации во многом конституируются самими этими утверждениями, образом речи, мысли и действия, который опирается на них при создании коллективной идентичности, мобилизации людей для осуществления коллективных проектов и оценке людей и практик.

Полного перечня не существует: мы даем лишь общую схему, а не точное определение нации. Приведенные черты могут помочь нам в создании «идеального типа», но это важно для концептуализации, а не для рабочего определения или эмпирически проверяемого описания. Слово «нация» используется главным образом применительно к населению, которое обладает или притязает на обладание большинством перечисленных особенностей. Какие шесть, семь или восемь особенностей станут наиболее важными, – будет меняться от нации к нации. Нация опознается не по своей «сущности», а по тому, что Людвиг Витгенштейн (*Витгенштейн* 1994) называл системой «семейных сходств». Некоторые родственники могут иметь характерный для семьи нос, но не иметь характерной для нее челюсти или иметь характерные для семьи зеленые глаза, но не иметь характерного для нее высокого лба; и черты, разделяемые всеми членами семьи, могут разделяться также другими людьми, которые не принадлежат к этой семье. Тем не менее можно заметить общую закономерность. Национальная идеология во всяких данных условиях может не обладать одной или несколькими из своих характерных черт или придавать большее или меньшее значение другим. Признание в качестве нации основывается не на строгом определении, а на преобладании этой общей закономерности².

Национализм в этом смысле имеет три измерения. Во-первых, национализм как дискурс: производство культурного понимания и риторики, которое ведет к тому, что люди во всем мире мыслят и выражают свои устремления с точки зрения идеи нации и национальной идентичности, и производство отдельных разновидностей националистической мысли и языка в особых условиях и традициях. Во-вторых, национализм как проект: социальные движения и государственная политика, посредством которых люди пытаются преследовать интересы общностей, которые они считают нациями, обычно предполагающие определенное сочетание (или историческое развитие) все большего участия в существующем государстве, национальной автономии, независимости и самоопределения или объединения территорий. В-третьих, национализм как способ оценки: политические и культурные идеологии, которые утверждают превосходство отдельной нации; они часто, но не всегда связаны с движениями или государственной политикой. В этом третьем смысле национализму часто придается статус морального императива: например, национальные границы *должны* совпадать с государственными; члены нации *должны* блюсти ее моральные ценности и т. д. В результате действий, вытекающих из этих императивов, национализм начинает ассоциироваться с *крайними проявлениями* преданности собственной нации: в этнических чистках, идеологии национальной чистоты и враждебности к иностранцам.

Преданность своей собственной группе, конечно, имеет глубокие корни. Это измерение национализма с полным правом можно назвать примордиальным, существующим с незапамятных времен, до появления писаной истории человечества. Но группы и преданность группе могут принимать множество форм, и едва ли они сами по себе составляют или объясняют национализм. Можно быть преданным семье (это еще более распространенная форма преданности в истории, чем даже та, что связана с национализмом) или городу независимо от того, считается этого город частью нации или нет. Преданность Макиавелли Флоренции в XVI веке принадлежит истории национализма, так как она побудила его написать множество важных вещей о природе государства, о политическом правлении, об отношениях, которые связывают отдельных членов политических сообществ с их правителями. Но Флоренция XVI века не была нацией, и связь между «флорентийской» и более широкой «итальянской» идентичностью не имела для Макиавелли решающего значения или не была в полной мере проработанной в его эпоху. И даже позднее идеология продолжала опережать реальность. Как выразился Массимо д'Азельо, «Италию мы уже создали, теперь нам предстоит создать итальянцев» (*Хобсбаум* 1998: 72).

² Ни одно определение нации (или связанных с нею терминов, таких, как «национализм» или «национальность») так и не получило общего признания (*Smith* 1973; 1983; *Alter* 1989; *Motyl* 1992; *Connor* 1994; *Hall* 1995).

Такая программа предполагает распространение внутренне однородной национальной идентичности. Это внутреннее зеркальное отражение представления о внешних различиях. Идея, что каждый народ обладает своей особой «сущностью», внутренне единой и отличной от всех остальных, играет важную роль в истории национализма. Такое представление легко может обернуться репрессиями, и оно нередко присутствует в «этнических чистках» и проектах, связанных с поддержкой развития «правильной» культуры и поведения среди тех, кто считается частью нации. Между сетями межличностной солидарности и требованиями сплоченности широких категорий якобы схожих людей существует большое различие.

Одно дело – преданность своему королю и сородичам при столкновении с норманнскими захватчиками в том, что в 1066 году стало Англией. И совсем другое – в последующие годы: возвращение английского национализма посредством мифологизации Камелота, превращения «норманнского ига» в основу квазиклассового недовольства и заявлений о том, что «Англия будет жить вечно». Преданность абстрактной категории Англии существенно отличается от преданности своим реальным и конкретным товарищам. Сеть межличностных отношений определяет личность локально, но принадлежность к категории «нация» помещает людей в сложный, глобально интегрированный мир. И об этом нельзя забывать. В то же самое время она служит источником конфликтов и нередко используется для выражения личного и коллективного недовольства.

* * *

В первой главе мы более подробно рассмотрим значение нации и национализма, сосредоточив внимание на «дискурсивной формации», которая способствовала структурированию всей современной эпохи, предоставляя общую риторику различным движениям и направлениям политики. В литературе о национализме ведутся серьезные споры между теми, кто считает нацию простым продолжением древних этнических идентичностей, и теми, кто считает ее явно современной. Представляя национализм как дискурсивную формацию, которая имеет несколько различных измерений, я утверждаю, что, хотя одни черты намного старше других, совокупность таких черт, опознаваемая нами теперь в качестве национализма, является отличительной особенностью современной эпохи.

Во второй главе эта тема получает развитие в ходе сравнения национализма с этничностью и их обоих с родством как способом организации («воображения») социальной солидарности и коллективной идентичности. Содержание различных национализмов может быть заимствовано из этничности, но она сама трансформируется дискурсом национализма и не может служить исчерпывающим объяснением ни этого дискурса, ни устройства действительных национализмов.

С этим тесно связан вопрос о том, следует ли считать национализм прежде всего унаследованным или изобретенным, примордиальным или сконструированным, и как нам следует понимать способы обращения национализмов к истории (и иногда манипулирования ею). Мы рассмотрим этот вопрос в третьей главе, где будет показано, что литература ставит нас перед ненужной дихотомией, что «примордиальность» может быть сконструированной и относительно новой, не теряя при этом своей силы или значения.

В четвертой главе будет проанализирована роль национализма в формировании нового политического сообщества, связанного с появлением современного государства.

В пятой главе будет рассмотрено противоречие между универсальными и ограниченными темами в национализме, противоречие между опорой на «гражданскую» и этническую концепции членства в нации и преобразования, произошедшие вследствие наделения локального более универсальным значением.

В шестой главе будет рассмотрена связь национализма с империализмом, колониализмом и экономической глобализацией и исследованы отношения, в которых «внутренние» национализмы зависят и определяются самим своим пребыванием в мире наций и национальных государств.

К счастью или к несчастью, в этой книге не предлагается всеобъемлющей теории национализма. Национализм – это риторика, которая используется для озвучивания слишком многих вещей, чтобы его можно было объяснить одной теорией, не говоря уже о том, чтобы объяснить все эти различные движения, культурные особенности, варианты государственной политики или другие проекты, отчасти определяемые риторикой национализма. Это не значит, что теория не нужна. Это, скорее, значит, что для осмысления всего многообразия форм национализма требуется множество теорий. Чтобы ответить на вопрос, вроде: «Почему складывается впечатление, что развитие националистических движений происходит волнообразно?», требуется иная теория, чем для ответа на вопрос: «Почему националистическая идеология столь тесно связана с сексуальностью и гендером?». Тем не менее для удовлетворительного ответа на такие вопросы потребуется более общее осмысление – отчасти теоретическое, отчасти историческое – дискурсивной формации национализма и ее структурирующего влияния и эмоциональной силы в современном мире.

1

Современность и многообразие национализмов

Никакого первого националиста не существовало. Не было какого-то одного момента, когда люди, которые прежде понятия не имели ни о нации, ни о политических устремлениях или идеологических предпочтениях своей собственной страны, внезапно начали мыслить в националистических терминах. Скорее несколько различных течений исторических перемен слились воедино, чтобы создать современный национализм. Бесполезно пытаться «объяснить» национализм (и родственные идеи вроде нации и национальной идентичности) поиском первого случая и последующим изучением распространения терминологии или практик. Термин «нация» стар (хотя «национализм» сравнительно нов), но до наступления Нового времени он означал всего лишь людей, связанных между собой общим местом рождения и культурой³. Он ничего не говорил о связи такой идентичности с более или менее крупными общностями и не имел явных политических коннотаций.

Первые проявления современного национализма связывались с различными событиями – с противоречиями, которые привели к гражданской войне в Англии (*Greenfeld* 1992), с латиноамериканскими движениями за независимость (*Андерсон* 2001), с Великой французской революцией (*Best* 1988; *Alter* 1989) и с немецкой реакцией и романтизмом (*Breuilly* 1993; *Kedourie* 1994). Эти расхождения невозможно примирить эмпирически; они восходят к различным определениям. Для наших целей достаточно отметить, что к концу

XVIII века – в Великой французской революции и после нее – дискурсивная формация уже повсюду работала. Когда именно (насколько раньше) она возникла – вопрос спорный, хотя до наступления Нового времени большинство этих измерений не обладало таким существенным весом одновременно. Большинство измерений или нитей в ткани националистического дискурса имеет свою собственную давнюю историю. И, конечно, некоторые современные страны имеют истории, предшествующие появлению дискурса национализма, даже если они ретроспективно создаются в виде *национальных*

³ «Словом *natio* в повседневной речи первоначально обозначалась группа людей, объединяемая общностью происхождения, большая, чем семья, но меньшая, чем клан или народ... Особенно часто этот термин применялся к общинам иностранцев» (*Kedourie* 1994: 5).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.